

рядом и, кажется, чем-то сильно напуганные, жались на бегу к матерям. Никто из них не имел и признаков одежды, мужчины и женщины были одинаково мохнаты. У одного из них в шапке коротких волос блестела седина.

По всему видно: люди спасались от какой-то опасности, но теперь, потеряв надежду избежать ее, решились встретиться с врагом лицом к лицу.

Лес, простиравшийся на сотни километров, не имел ни скал, ни возвышенностей, на которых было бы удобно принять бой. Нельзя было спастись и на деревьях — враг, преследовавший их, умел выжидать, пока истощенные жертвы сами свалятся ему в пасть. Обезьянолюди — первые люди на Земле — понимали это. Они остановились и ждали. Здесь, на поляне под дубом, встретить врага лицом к лицу и дать ему отпор было легче, чем в зарослях.

Страшный саблезубый тигр преследовал бродячую орду. И не один уже раз, притаившись где-то рядом, выхватывал то женщину,

то ребенка, а вчера унес молодого сильного мужчину. Орда должна была погибнуть целиком или вступить в бой. Она решилась.

Вождь орды, вышедший на поляну, продолжал распоряжаться. Еще несколько гортанных звуков, и все дети и матери собрались у старого дуба. Мужчины с заостренными камнями и дубинами образовали вокруг них кольцо. Самый коренастый и сильный из них опустил на землю огромный грубо обколотый камень. Казалось удивительным, как мог человек тащить на себе такую тяжесть! По сравнению с остальными это был настоящий великан: темные волосы, покрывающие его тело, были длиннее и гуще, чем у других, на груди и плечах они свисали длинными прядями, точно грива. Глаза прятались под мохнатыми бровями и блестели оттуда по-звериному. Урр звали этого силача. Удобно положив камень на землю, чтобы можно было сразу нагнуться и схватить его, мужчина глубоко вздохнул и пошевелил широкими мохнатыми плечами.

Предводитель был менее силен, но более ловок в движениях, и его камень был заострен лучше, чем у других.

— Гау! — тихо позвал силач и показал на темнеющее небо и на кусты.

Предводитель кивнул головой и сердито зарычал. Обоим было понятно: если тигр дождется темноты, отражать нападение станет труднее. Но тут же Гау пригнулся и застыл, сжимая в руках оружие.

В том месте, откуда люди только что вышли, кусты орешника дрогнули и раздвинулись. Огромный тигр, не торопясь, вышел на поляну и остановился. Какой-то ребенок тихо вскрикнул и умолк.

Тигр много дней преследовал бегущую орду и привык смотреть на нее как на свою законную добычу. Сейчас он еще не успел проголодаться и не особенно торопился. Ему просто захотелось осмотреть свою будущую еду. Но что-то в поведении людей заставило его насторожиться. Их неподвижность и мертвое молчание не понравились зверю. Тигр потянулся, хлестнул себя хвостом по полосатым бокам и вызывающе заревел. В ту же минуту яркий свет молнии разорвал тучи и упал на ревушую пасть, на острые белые клыки и красный дрожащий язык.

Люди не выдержали. Они тоже закричали, завывали, зарычали звериным рыком, в котором не было ничего человеческого. Они махали палицами, рвались навстречу зверю, в отчаянии жаждая последней битвы.

В первую минуту тигр смутился и попятился от такого рева. Но в следующую неожиданный вызов тех, кого он уже считал своей добычей, разгорячил его кровь. Тигр с ответным ревом припал к земле и, распрямившись, взлетел в воздух. В полете сверкнуло его белое брюхо. Миг — и он подмял под себя сразу нескольких человек и тут же вскочил, держа в пасти еще живое, бьющееся тело...

Но вот с земли поднялся залитый кровью Урр с камнем в руках. Огромный камень взлетел в воздух и опустился на золотистый тигриный затылок. Послышался ясно различимый даже в общем реве хруст, и зверь упал, роняя захваченную добычу.

Люди орды закричали от радости громче, чем кричали до этого от ярости и боли. Их крик никто не услышал: в то же мгновение яркая молния осветила раскрытые рты, и раздался удар грома, от которого все в ужасе попадали на землю, закрывая головы руками.

Гроза подкралась и забушевала так внезапно, будто именно к этому времени и готовила все свои силы. На этот раз молния до корня расколола старый дуб. Когда люди подняли головы, на

поляне было светло как днем. Вершина дуба лежала на земле, разбитая на куски; оставшийся ствол пылал ярким пламенем, как огромная свеча. При свете ее виден был тигр, неподвижный, с раздробленной головой, и отползавшие в разные стороны люди. От ужаса они готовы были опрометью кинуться во мрак, окружавший поляну, но громкий крик Гау остановил их. Боязливо и неохотно собрались они вокруг него. Яркий свет пожара казался страшнее темноты. Однако привычка к послушанию была сильнее: вернулись все, подползли раненые. Три распростертых тела остались лежать около убитого тигра. Вздрагивая, люди со страхом оглядывались на жарко разгоревшийся костер. Гроза уже унеслась дальше, едва смочив землю дождем...

Между тем мрак за кустами орешника наполнился движением, там скользили подозрительные тени. Это была следовавшая за убитым тигром свита — гиены и волки. Они ссорились и огрызались. Иногда самые нетерпеливые высовывались из кустов, но тотчас отскакивали в темноту.

Низкий лоб Гау наморщился, волосатая рука приподняла дубину, готовясь к удару. Он скалил зубы и, вздрагивая, оборачивался к огню при каждом треске падавшей ветки. Орда примолкла, настороженно лоя каждое движение своего предводителя. Гау еще раз повелительно крикнул и решительно шагнул в сторону огня. Ближе, ближе... Удивительное чувство охватило его тело, ослабило страшное напряжение мышц.

Люди повиновались. Они приближались к огню, дрожа и отскакивая каждый раз, когда падала, рассыпая искры, горящая ветка. Но вот на землю с треском рухнула верхняя половина пылающего ствола! Раздались крики и вопли разбежавшихся людей. Даже Гау не выдержал и отскочил, выронив дубину, а один из молодых, перебежав освещенную поляну, кинулся в кусты. Страшный предсмертный крик тотчас же разъяснил его судьбу, и люди снова бросились к костру так близко, как только можно было стоять, не обжигаясь: в эту минуту огонь показался не так страшен, как звери, скрывавшиеся в темноте.

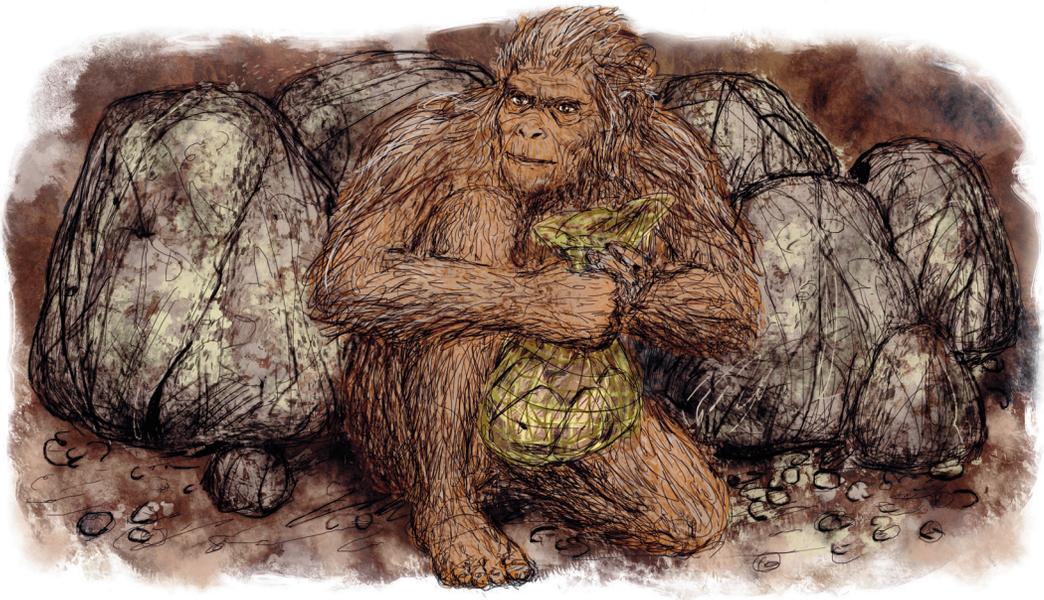
Костер горел ровнее, тепло делало свое дело. Прошло немного времени, и, осмелев, люди накиннулись на тушу тигра. Они торопливо резали острыми камнями и рвали теплое мясо. Враг превратился в добычу. Тела убитых оттащили в сторону: людей своей орды не ели, но и похорон не ведали. Насытившись, тут же садились на согретую землю, опускали голову на руки и засыпали, наслаждаясь теплом и безопасностью.

Силач Урр долго зализывал рваную рану на руке и наконец тоже задремал, опершись на свой камень, с которым никогда не расставался, и много раз уже люди побеждали разъяренного зверя только благодаря этому страшному оружию. По силе Урр мог бы стать предводителем орды — не было человека, который хоть минуту устоял бы перед ним даже в шуточной борьбе. А когда он был в гневе, с ним никто и не пробовал спорить: все помнили, как однажды в битве он вырвал у противника руку — так легко, как иной вырывает пучок волос. Первым Урр ни с кем не заводил ссоры, а предводителя Гау любил нежно и во всем слушался. Для орды был счастьем его мирный нрав.

За спиной Урра примостилась сторбленная маленькая фигура. В тонких длинных руках человек держал грубо сплетенную из травы сетку. Он тихо опустил ее на землю, потер утомленные руки, но

тут же, испуганно оглянувшись, снова прижал сетку к груди. Глухо звякнули, ударяясь друг о друга, грубо оббитые рубила и камни, еще только приготовленные для них.

Мук был самый старый человек орды. На голове и тощих плечах его давно серебрилась седина. Хитрость заменяла ему недостающую силу: от всякой опасности он успевал спрятаться за спину силача Урра. Ночью, во сне, он прижимался к той же надежной спине, никогда не расставаясь со своей драгоценной сеткой. Добродушный Урр всегда был готов защитить маленького старика.

Засыпавшие люди вдруг всполошились: послышалось их недовольное угрожающее ворчание, а наморщенные гневом лбы и оскаленные челюсти обратились в одну сторону. Мук был виновником переполоха. Он утомился не меньше других и все же не мог заснуть. Яркий свет огня так заманчиво отражался на гранях камней, которые он разложил на земле, что старик не удержался. Забыв об усталости, он принялся за свое любимое занятие: зажал камень между ступнями и ударил по нему другим, поправляя режущий край.

Конечно, заостренные камни были очень нужны людям орды. Но сейчас они хотели спать. Чья-то волосатая лапа протянулась и больно стукнула нарушителя тишины. Мук взвизгнул, роняя

камень, одним прыжком подскочил к Урру и прижался к нему, ища защиты. Урр и сам недовольно зарычал на него, однако легким взмахом отстранил подскочившего Дамма, самого злобного в орде. Толчок как будто бы легкий, но Дамм отлетел в сторону, точно его сдуло ветром. Недовольно скаля зубы и потихоньку огрызаясь, он убрался на свое место: с Урром ссориться не приходилось.

Мук, вздрагивая и что-то бормоча, бережно подобрал бесценные камни, сунул их в сетку и затих, возвратившись к Урру. Тот опять зарычал на него, но Мук не боялся великана.

Через минуту на поляне все снова успокоилось.

Проснулись люди перед самым рассветом. Было холодно. Костер уже не бушевал, догорали последние толстые сучья, языки огня были почти незаметны в свете наступающего дня.

Гау вскочил первым и растерянно оглянулся. Где же веселый пляшущий огонь? Где дерево, ветки которого он разжевывал с хрустом, точно медведь, грызущий кость оленя?

Долго стоял он возле умирающего костра в необычном раздумье, но жалобная воркотня людей заставила его очнуться. В эту ночь, согретые непривычным теплом, люди спали так крепко, что не заметили, как ночные воры — волки и гиены — утащили тела убитых тигром людей и даже высосанные кости самого тигра. Орда хотела есть, пора было отправляться на промысел.

Покидая место стоянки, люди обычно больше к нему не возвращались. Имущества нет, так что нет нужды жить где-то постоянно. Матери схватили на руки детей, мужчины вскинули на плечи дубинки: голод гнал их вперед на поиски еды.

Только Гау медлил. Шепот затихающего огня притягивал его, словно звал остаться...

Но люди ворчали все громче. Урр пересек поляну и, углубившись в кусты орешника, в недоумении оглянулся.

— Гау, — позвал он.

И Гау медленно повернулся, решительно раздвинул кусты. Смутная мысль мелькнула и на этот раз осталась недодуманной. Тихий голос огня замер в отдалении...

Глава 2

Люди орды только с виду были неуклюжи. На самом деле они двигались ловко и бесшумно, ни один звук не ускользал от их внимания, широко расставленные ноздри ловили запахи леса, сильные руки держали наготове страшные дубины и заостренные камни.

Женщины и дети отстали от охотников — они не мешали выслеживать крупную дичь, но готовы были присоединиться к дележу добычи. Они не теряли времени в ожидании: черви, ящерицы, съедобные корни — все шло в дело, наполняло голодные желудки. Мальши, только научившиеся бегать, уже усердно искали и тащили в рот все живое, что удавалось схватить.

Яркая бабочка села на цветок, медленно открывая и закрывая крылышки, и тут же ее схватила маленькая рука. Мальчик уже потащил бабочку в рот, но мать остановила, оборвала яркие крылышки. Сын сердито пискнул, запихал в рот и крылышки, подавился, выплюнул. Другой ребенок пронзительно завизжал и тут же кувырнулся в траву от крепкого шлепка рассерженной матери: на охоте кричать не полагалось. Тихо всхлипывая, он протянул руку: на пальце крутилась пчела, глубоко вонзившая в него жало. Мать ловко вытащила жало, а обезвреженную пчелу сунула в рот малышу. Тот не отказался, успокоился и тут же повеселел, но пчел стал обходить стороной.

Дети, подражая осторожной походке взрослых, озирались, ожидая каждую минуту материнской помощи и защиты. А матери, держа грудного детеныша левой рукой и тяжелую палицу правой, искали пищу, готовые отразить опасность, откуда бы она ни появилась.

Деревья расступились, и довольно глубокий ручей пересек дорогу. Старшая из женщин остановилась: тихий радостный возглас — и все устремились к воде. Это была хорошая находка: в мелкой прозрачной воде из песчаного дна тесными рядами выдавались спинки ракушек-беззубок — вкусная еда. Их вытаскивали горстями, камнями разбивали створки, ели сами и, разжевывая,

засовывали в рот малышам. Вода была очень холодна, но люди орды не обращали на это внимания: холодное мясо насыщает не хуже, чем теплое.

Только мальчик Рам, лет восьми, угрюмо держался в стороне, издали с завистью поглядывал на лакомую добычу. Чужие матери присели в ряд вдоль всей ракушковой отмели, каждая ела и кормила своего малыша, не заботясь о других.

Раму на отмели не осталось места. Он тихо проскулил и кончил чуть заметным ворчанием. За более громкий протест ему дали бы хорошего тумака, но не место на отмели. Рам обошел женщин, спустился в ручей и сделал несколько шагов. И тут он тихо вскрикнул от радости: за изгибом ручья оказалась новая отмель, еще лучше первой, песок так и набит спинками ракушек! Воровато оглянувшись, Рам присел и торопливо выкинул на берег кучу ракушек, крупных, как блюдечки, сложенные попарно. Он дробил их камнем и глотал розовое мясо почти не разжевывая, торопясь, пока какая-нибудь из женщин не догадалась заглянуть за изгиб ручья. Наконец он почувствовал, что набит едой по самое горло. Теперь это случалось с ним не часто: его мать утащил саблезубый тигр в самом начале охоты за людьми. Мужчины отважно защищали орду в случае опасности, но им не было дела до того, голоден ли какой-то ребенок. Рама оттесняли от лучшей еды матери, кормившие собственных детей.

Но на этот раз ему повезло: есть больше не хотелось. Рам некоторое время забавлялся: разбивал и разбрасывал все новые раковины, а под конец развалился и незаметно заснул на мягкой траве, пузатый и лохматый, точно маленький смешной медвежонок. Он спал так крепко, что даже не услышал, как женщины собрались уходить. Они уже подняли на руки детей, но вдруг тихий звук, точно шипение змеи, заставил их остановиться. Женщины сжали в руках дубинки...

Однако тревога оказалась напрасной: из-за кустов вынырнул молодой Ик, славившийся быстрым бегом. Несколько коротких звуков, взмах руки — и женщины поняли: охотники нашли стадо оленей, их надо загнать на обрыв, тогда в испуге они разобьются, падая вниз на речные камни. Свежее горячее мясо, истекающее кровью, еще лучше ракушек! И женщины радостно поспешили за Иком. Рама никто не позвал, никто о нем не вспомнил.

Ик вел женщин уверенно, точно шел по протоптанной тропинке с отметками. Они бежали долго и бесшумно, не выказывая никаких признаков усталости. Наконец Ик остановился. За кустами, не видимые неопытному глазу, ждали охотники орды. Их было недостаточно, чтобы как следует окружить стадо оленей, поэтому они и вызвали женщин.

Вскоре дикие крики огласили лес. Вся орда подхватила этот ужасный вой. Олени заметались в испуге! Крики неслись с трех сторон, оставался только путь к реке, и обезумевшее от ужаса стадо понеслось туда. Передние пытались задержаться на крутом обрыве, но задние, не видя края, напирали. В несколько минут все было кончено: олени ринулись с утеса, разбиваясь внизу о прибрежные камни.

Раздались вопли торжества, и люди, как обезьяны, начали спускаться по крутому склону вниз, стараясь скорее добраться до лежащей на камнях добычи. Мужчины были голоднее и злее женщин, с самого утра они, не зная передышки, охотились на крупного зверя. Теперь они кричали от радости: мяса было много, гораздо больше, чем им требовалось. Но это не беда, лишь бы не слишком мало.

Пиршество было в разгаре, когда к нему присоединились и матери, тащившие детей. Они не нуждались в проводниках, звериное чутье уверенно провело их по лесу.

Овладев богатой добычей, орда оставалась около нее, пока хватало пищи, потом отправлялась на новые поиски.

Опьяненные дымящимся мясом, люди пировали. Гау тоже резал, жевал и глотал огромные куски. Однако наморщенный лоб показывал: его занимает еще что-то, кроме еды. Солнце перевалило за полдень, и уже явственно ощущался вечерний холод. Можно было расположиться на ночлег тут же, на ближних деревьях или на выступе скалы, удобном для защиты от зверей, но Гау вдруг так ясно представил яркие языки пламени на поляне... Он не понимал, что костер мог за целый день угаснуть без пищи, он представлял себе его горящим и всем телом стремился к веселому теплу.

И вот с резким криком Гау вскочил на ноги и взмахнул рукой. Это был привычный сигнал к походу, и ему всегда повиновались беспрекословно. Но поход — это поиски пищи, а чего же искать сейчас, когда все рты жуют и руки по локоть засунуты в мясо? Наморщенные лбы, оскаленные челюсти, сдержанное глухое рычание ясно показывали: орда готова взбунтоваться. Но Гау крикнул еще повелительнее, взмахнул дубиной. За ним поднялась страшная фигура Урра, волосы на его голове и плечах взъерошились, точно грива. Урр молча, без рыка, оскалил зубы, сверкнули клыки. Медленно перекаtywая тяжелый камень в страшных ручищах, он поводил маленькими горящими глазами, точно спрашивал: «С кого начинать?» Люди поднялись взбешенные, не сводя глаз с кусков мяса, покрывающих берег. И тут случилось непонятное: Гау криками и жестами приказал им взять мясо с собой. Нести куда-то мясо, когда его можно съесть тут?

Люди недоумевали. Но воля к сопротивлению была сломлена. В пологом месте берега они выбрались наверх и, нагруженные, потрусили по лесу вслед за непонятным вожаком.

Гау тоже перекинул через плечо четверть жирного оленя, придерживая его рукой, вооруженной камнем. Палицу он нес в правой руке.

Глава 3

Рам проснулся не скоро. Испуганный тишиной, он вскочил, кинулся за излучину ручья и завыл от страха. Но, увидев, что его покинули, тотчас умолк. Он твердо усвоил закон — не подавать голоса, чтобы не приманить врага.

Первым движением Рама было бежать, догонять орду, но обоняние подсказывало, что женщины ушли давно, бежать одному по лесу, полному опасностей, жутко. Холод заставил его вспомнить поляну и ярко горящий, приятно согревающий огонь. Поэтому вторым движением мальчика было бежать к костру. Наморщив лоб и оскалив зубы, Рам поднял с земли крепкую палку, напился из ручья, припадая ртом к прозрачной влаге, встал, не вытирая воды, струившейся с подбородка, и окаменел... Перед ним на кольцах хвоста, как на подставке, качалась большая змея! Ее маленькие злые глаза смотрели не мигая.

От змеиного взгляда каменеют птицы и маленькие зверьки. Но Рам был человек. Он очень испугался, но помнил, что бежать нельзя, змея догонит. Значит, надо бороться. Тихо-тихо он поднял палку и резким ударом хлестнул змею сбоку. Так однажды сделала его мать. Змея, извиваясь, упала на тропинку. Она шипела и крутилась на одном месте. И тут Рам первый раз в жизни испытал восторг битвы: он прыгал и хлестал змею еще и еще, много раз, пока она не перестала шевелиться. А потом нашел большой камень, с трудом поднял его и размозжил змее голову.

Маленький боец не удержался и громко вскрикнул от радости, но тут же опомнился и опасливо оглянулся: кто знает, что там притаилось в чаще? Однако трофеем нельзя оставлять, ведь это еда, да еще какая вкусная! Схватив змею у самой головы, Рам, почти не скрываясь, побежал... Куда? К костру! Там он чувствовал себя почти в безопасности, бедный покинутый человеко-звереныш.

Ходить одному по лесу ему еще не приходилось. Опасна была встреча не только с дикими зверями, но и с чужой ордой: всякий

чужак для нее — дичь, пища. Рам видал тому немало примеров... Дорога показалась ему очень длинной, он бежал, не останавливаясь, озирался, оборачивался, но змею держал крепко.

Наконец за поворотом открылась та самая поляна. Рам чуть не вскрикнул, увидав маленькие и далеко не такие яркие, как ночью, языки огня. Он сел, положил рядом змею и смотрел на костер, пока не заболели глаза. Его жизнь наполняли три занятия: поиски еды, еда и сон. Главным образом — первое. А теперь, просто удивительно, еды оказалось столько, что искать ее не нужно и...

даже есть не хочется. Спать тоже не хотелось. Маленький дикарь испытывал от этого беспокойство: как будто что-то надо сделать, а что — он не знает.

Раму было скучно. Ему вспомнились дети орды: они не всегда обижали его, когда были сыты — играли... Мальчик сердито поддал ногой валявшуюся около костра ветку. Она подскочила и, перелетев через огонь, упала на другую сторону. Проворно обежав костер, Рам опять подкинул ее ногой. На этот раз ветка попала прямо в огонь, вспыхнула и загорелась. Сухие листья затрещали, огненные искорки поднялись вверх. Языки огня стали ярче. Раму понравилось. Он начал кидать в костер другие ветки. Расхрабрившись, отбегал к краю поляны, заходил даже за кусты орешника в поисках валежника. Все, что попадалось, тащил в костер. Тяжелые прутья и ветки бросал на полдороге, хватал те, что полегче. Так на поляне накопилась порядочная куча хвороста, но и в костер Рам накидал столько, что он разгорелся ярким пламенем. Каждую ветку Рам бросал в костер с размаху, а когда взвивались искры, скалил зубы. Смеяться по-человечески он не умел.

...Когда орда появилась на поляне, измученный Рам упрямо тянул из зарослей тяжелую корягу, охая, сердито ворча, напрягаясь изо всех сил. Коряга не поддавалась: он тянул ее, держа за верхушку, а растопыренные сучья цеплялись за орешник...

Рам сам не понимал — откуда берется у него такое страшное упорство: он плакал, рычал и тянул, обдирая себе руки. Наконец он вырвал свой трофей из гущи орешника и, подтащив к костру, последним усилием сунул в огонь. Он умаялся и опять хотел есть.

Глава 4

Люди орды нерешительно, но радостно окружили костер. Он опять пылал ярко, ярче, чем утром, когда они уходили. Почему — об этом никто не задумался. Никто не обратил внимания на усталого и голодного Рама. Его не было с ними во время перехода — этого тоже не заметили. Только Ик, маленький и проворный Ик, с интересом следил, как Рам тащил свою тяжелую корягу, как сунул ее в огонь. Дерево вспыхнуло и затрещало. Ик отскочил и громко завопил от радости и испуга.

Люди подхватили его крик, они прыгали и скакали вокруг огня, но совсем близко не подходили. На рычание зверей в темнеющем лесу отвечали задорными криками, кривлялись и размахивали руками. Звери к костру не подойдут — побоятся. Это они уже поняли, однако подбросить в огонь еще топлива никто не догадался.

Мяса было вдоволь. Его крошили острыми рубилами и просто рвали сильными, как у зверей, зубами. То, что не доели, валялось под ногами. Рам тоже сумел ухватить жирный кусок оленины, он жевал, настороженно озираясь: надежнее было бы отойти в кусты, но там, под ветвями, уже густела темнота. Впрочем, бояться людей не стоило: все были сыты, отнимать у него мясо, когда его так много, никому не придет в голову.

Маа, самая молодая и смелая из женщин, веселилась больше всех: кричала и прыгала при каждом взлете искр. Перекувыркнувшись от восторга, она с размаху налетела на Гау, стоявшего у огня. Гау обернулся и взглянул на нее, на его грубом лице мелькнуло подобие человеческой улыбки. Он поднял руку и положил на плечо Маа. Но тут в толпе раздалось злобное ворчание, и Кха, храбрый охотник, прыгнул к огню, грубо оттолкнул Гау и стал между ним и Маа. Он рычал и скалил зубы. Нападение было так неожиданно, что Гау зашатался и упал бы в костер, если бы большой Урр одним скачком не оказался около него. Рывком он отбросил падавшего вожака от костра, развернулся и, схватив Кха поперек туловища,

поднял над головой. Если бы тот попробовал сопротивляться, разъяренный Урр ударом о землю прикончил бы его на месте. Но Кха отлично понимал это. Ярость его угасла так же внезапно, как и появилась. Он покорно повис в руках Урра и тихо, жалобно, застонал. Гнев великана смягчился. Еще несколько секунд он подержал побежденного в воздухе и, угрожающе рыча, отшвырнул его в сторону. Этого было достаточно. С жалобным воем Кха прополз несколько шагов и растянулся на земле. Кровоподтеки выступили на его боках — следы железных пальцев Урра.

Люди закричали, заволновались, но стоны Кха стихли, и на него перестали обращать внимание. Темнело. Все сомлели от сытости. Разнеженные теплом, люди засыпали сидя, с куском мяса во рту. Сам Гау еще немного походил, оцетинившись и оскалив зубы, порычал, но заметил кость, полную жирного мозга...

Грозный вождь и сегодня забыл выставить сторожей: обхватив руками колени, он опустил на них отяжелевшую голову и заснул вместе со всеми. Костер пылал, тучи искр взлетали в языках пламени и падали вниз. К счастью для орды, стояла тишь, иначе не миновать бы пожара.

Гиены и волки давно привыкли следовать по пятам диких людей. Им все годилось: обгрызенные кости, обрывки шкур, перепало и мясо при обильной охоте. Трусливо и завистливо они выглядывали из кустов, но непонятная сила огня удерживала их на расстоянии. Наконец, когда пламя начало меркнуть, наступил их час. Крадучись, они окружили поляну и поползли вместе с ночными тенями, которых не отгонял уже тускнеющий свет. Грызнию отложили: здесь надо соблюдать тишину. Звери молча скалились и щетинили загривки, перехватывая друг у друга куски и кости, разбросанные по всей поляне. А люди, всегда такие чуткие, продолжали спать, будто заколдованные чудесным теплом.

Костей и мяса оленей могло хватить на всех волков и гиен. Но вдруг, уже на рассвете, громкий детский крик всполошил орду. Все вскочили, хватаясь за камни и палицы, натываясь друг на друга во мгле начинающего утра. Огромная гиена вырвала ребенка из рук спящей матери и скрылась в кустах. Мать кричала и металась по поляне, остальные женщины, еще не понимая в чем дело, вопили вместе с ней. Мужчины с дубинами и камнями наготове построились в боевой круг и оглядывались, ожидая нападения.

Но из густых кустов, обступивших поляну, слышался только хохот гиен и рычание грызущихся волков.

Потеря одного ребенка мало огорчила мужчин. Но от вечерней трапезы не осталось и следа. И тут воспоминание о пиршестве на отмели овладело всеми: там наверняка еще лежат груды мяса со вчерашней охоты — не всё же dokonчили звери!

Заря уже встала над лесом, ночные хищники убрались в свои берлоги. От угасающего костра почти не чувствовалось тепла. Скорее туда, где их ждет мясо! И люди, толкая друг друга, устремились по знакомой тропе. Рам не отставал. Только Гау, уходя, оглянулся: слабые языки угасавшего костра точно звали его остаться...

Глава 5

Орда провела еще один беззаботный день. Хотя звери пообедали на отмели всю ночь, но и оставшегося людям хватило: они доели мясо, разбили кости и высосали вкусный мозг. Ничто больше не удерживало их на этом месте. Усталости тоже не было: ели готовое. И когда Гау снова отрывисто крикнул и взмахнул палицей, призывая идти за ним, — люди поднялись охотно. Они догадались, куда поведет их Гау, тепло костра начинало манить и их. Пожалуй, и без приказа многие сами направились бы к знакомой поляне. Даже Урр одобрительно зарычал и заторопился.

Гау бежал все быстрее, все нетерпеливее. Но напрасно его глаза искали над деревьями струйку дыма, на которую он постоянно оглядывался утром, покинув поляну. Дыма не было.

Вот и кусты орешника. Гау нетерпеливо ломал густые ветки, продираясь сквозь них к заветному костру. Но его не было. Только куча остывших угольев осталась на поляне. Глаза Гау налились кровью. Бросив мясо на землю, он в ярости начал топтать кострище ногами, чтобы дать выход охватившей его злобе.

Орда смотрела молча. Теперь, когда огонь исчез, каждый вспомнил, как хорошо было погреться возле него, почувствовать себя в безопасности, покричать задорно и подразнить рычащих в кустах зверей.

Тем временем яркая полная луна поднялась над лесом и осветила поляну. Искать другое, более защищенное, место для ночлега было поздно: середина озаренной луной поляны и без костра казалась надежнее, чем кусты вокруг, полные опасных ночных шорохов. Опечаленные потерей огня, люди начали устраиваться на ночлег: садились, опускали головы на колени. И тут Гау восстановил нарушенный теплом костра порядок.

— Ум! — крикнул он.

Высокий мохнатый человек поднял голову и быстро встал.

Гау немного помолчал.